

НАШЕМУ земляку, дважды лауреату Государственной премии, лауреату премии Волгоградского комсомола, ровеснику Ленинского комсомола, поэту-фронтовику Михаилу Кузьмичу Луконину в эти дни исполнилось бы шестьдесят пять. Многолетняя дружба связывала автора этих заметок с ним, безвременно ушедшим из жизни в расцвете сил и творческих устремлений.

«Каждый роется перед чистым листом бумаги...» Эти слова однажды были сказаны мне Лукониным, чтобы побудить смелее браться за перо. Могла ли тогда прийти в голову мысль, что когда-то действительно с трудной одолимой робостью решусь хотя бы вкратце рассказать о наиболее памятных встречах с этим человеком.

Неуемная в нем была энергия, постоянно он нес в себе заряд бодрости, энтузиазма в жизни и творчестве.

С Михаилом Лукониным мы были знакомы, и не просто были знакомы, но и дружили с середины тридцатых годов. Тогда это был просто Миша Луконин, ученик старших классов средней школы № 1 Тракторозаводского района.

Их было три друга, три неразлучных ученика этой школы: Луконин, Николай Турочкин (впоследствии Николай Отрада) и Сергей Голованов. Все трое увлекались поэзией, писали стихи.

Встречались мы обычно по выходным дням в клубе имени Максима Горького, в отличном, монументальном здании на Верхнем поселке, возведенном в первые годы становления тракторного завода. Там активно действовал литературный кружок. У нас была своя комната — первая слева от вестибюля.

В годы Сталинградской битвы клуб имени Максима Горького был совершенно разрушен, на его месте громоздились разбитые железобетонные конструкции. Сейчас здесь, рядом со школой № 3, что на углу площади имени Дзержинского, разбит сквер, растут молодые деревья.

Не всем литкружковцам суждено было вернуться с войны. Погиб в боях с белофиннами Николай Отрада, ушедший на войну студентом Литературного института вместе со своим дру-

гом Михаилом Лукониным. Потом Луконин напишет, ставшие впоследствии хрестоматийными, стихи о друге, которые заканчиваются такими строками: «А если бы в марте, тогда,

встречались — то он приходил ко мне на Верхний поселок, то я заходил к нему в гостиницу. Он читал мне отрывки из написанного, поэму о заводе, о рабочих, пока еще не имевшую названия, интересовался моим

«Есть Луконин, парень браво, Ну-ка тронь его, задень! Ведь никто еще, ребята, Не имел такой зарплаты За один «Рабочий день»... Бывая в Москве, то ли в ко-

ву редакции «Литературной газеты», с которой у меня раньше не было никакой связи. А выяснилось все только при встрече с Лукониным. Редакция обратилась к нему с просьбой организовать бригаду литераторов и

нечно, представляешь себе прежде всего людей, знакомые лица, слышишь их голоса. Бываешь ли в цехе, идешь ли мимо памятника Дзержинскому к проходным, остановишься ли купить газету «Трактор» — всюду встречи, всюду воспоминания».

В последний приезд Луконина в Волгоград мы долго гуляли с ним по набережной Волги. Вспоминали старых друзей. Пили чай у меня на квартире, а затем я проводил его до дома № 31 по улице Красноармейской, ныне улице Маршала Б. И. Чуикова. В квартире, в которой много раз доводилось быть, сейчас музей поэта. Могли я предполагать тогда, что эта наша встреча — последняя...

Недавно я снова побывал в квартире-музее М. Луконина. В основном здесь все осталось таким же, как было при жизни поэта: на полках книги, среди которых двадцать четыре, изданных при его жизни, а также трехтомник его произведений, выпуск которого завершен в 1982 году, через шесть лет после кончины поэта. А всего, вместе с книгами переводов с грузинского и казахского, у Луконина вышло более пятидесяти сборников.

Память Михаила Луконина, как и его друга Николая Отрады, увековечена в названиях улиц в Тракторозаводском районе Волгограда. На Дальнем Востоке бороздит океанские воды теплоход «Михаил Луконин», построенный корабельными Горьковской области в 1981 году. Во время проводов судна в далекий путь на Тихий океан через Волгоград квартиру-музей посетила команда теплохода во главе с ее капитаном Л. Л. Коробковым, чтобы выразить свою признательность и уважение к поэту.

Корабль с именем поэта на борту ушел в далекое плавание. И в такие же дальние дали уйдет память о нем, поэте-коммунисте Михаиле Луконине.

А. ВЕТАУГИН

ДАЛЬШАМЯТИ

Воспоминания о Михаиле Луконине

Мы поменялись местами, Он сейчас обо мне написал бы вот это».

Не возвратились с фронтов войны бывшие литкружковцы выпускник механического института Николай Прокофьев, технолог тракторного завода Николай Белов, другие наши товарищи. Никто из нас не пришел с войны без ран, не избежал их и Луконин.

Вскоре после демобилизации мы снова встретились с ним в Сталинграде. Осенью 1947 года он приехал в родной город, узнал мой адрес. Жил я тогда в одном из восстановленных наслех. домов в Тракторозаводском районе. Заходит шеголевато одетый по тем временам тот и не тот Луконин, которого так хорошо знал, с которым близко сошелся в те, уже далекие довоенные годы. Михаил рассказывал о цели приезда в свой город, о том, как беседовал с ним первый секретарь ЦК комсомола Н. Михайлов.

— Захожу в его кабинет, поздороваюсь, жду, что скажет. А он с ходу, даже резковато, спросил: «Ну что, герой, делаешь, чем занимаешься?» — и тут же предложил: поезжай в Сталинград, напиши о рабочем классе.

В тот вечер долго сидели, вспоминали далекие годы юности, говорили о судьбе бывших литкружковцев, радовались, что возрождается город, тракторный завод. Через дирекцию завода я помог Михаилу устроиться в городской гостинице, в недавно восстановленном доме на Нижнем поселке, недалеко от Волги. Одновременно оформил пропуск на завод. В выходные дни и по вечерам мы часто

мнением. Писал он с увлечением, весь отдавался работе над поэмой.

Иногда для разрядки или чтобы освежить впечатления, глубже проникнуться тем, чем живет возрожденный завод, мы вместе ходили по цехам. Волнение, вызванное новой встречей с заводом, где рос, учился, слышал по вечерам его приглушенные вздохи, плывущие над поселком, — все это выливалось во взволнованные строки рождающегося произведения:

«Сталинградский тракторный, Юность моя! По зеленой улице К проходным воротам, Вокруг завода, За поворотом Волга Оранжевая по краям».

Многие наблюдения, а главная заводская атмосфера, напряженный ритм труда героического коллектива нашли яркое отражение в поэме Луконина. Она вышла в 1948 году отдельным изданием под названием «Рабочий день». В следующем году за эту поэму Луконину была присуждена Государственная премия СССР. Через год в издательстве «Советский писатель» вышел сборник Луконина «Избранное». На титульном листе подаренного мне экземпляра он написал: «Дорогому другу Алексею Ветлугину перед новым «Рабочим днем».

При всей своей кажущейся серьезности, отличавшей его в юношеские годы, любил Михаил юмор, смех, не обижался, если острили в его адрес. Как-то дал мне лист бумаги с эпиграммами на известных писателей. Первая из них была о нем:

мандировке, то ли в одном из подмосковных санаториев, я при первой возможности старался побывать у Луконина. Правильсь в нем прямота суждений, располагающая к себе энергия, жизнерадостность, искренность и доброжелательность. Ему были чужды высокомерие, зазнайство, он презирал мешанство.

Друзей у Луконина было много. Другим он был, например, с Василием Ажаевым, автором широко известного романа «Далеко от Москвы».

Познакомил Луконин с ним и меня. И, признаюсь, понравился мне этот бывалый, много повидавший в жизни человек.

Знакомил меня Луконин с другими писателями и поэтами: Ярославом Смеляковым, Виктором Боковым.

Добрыми и давними его друзьями были литераторы-волгоградцы, и среди них наиболее близкие — Юрий Окунев, Николай Мизин, Валентин Леднев, Владимир Богомолов. Да и не только литераторы. С молодых лет Михаил увлекался спортом, особенно неравнодушен был к футболу. Бывая в родном городе, он всегда интересовался успехами местной футбольной команды, наследницы довоенного, весьма популярного в те годы «Трактора», игравшего в высшей лиге, встречался с футболистами-ветеранами.

Что называется «до седьмого пота» бил по мячу на площадке своей дачи, огороженной высокой стальной сеткой, бил с каким-то ожесточением, словно отдавая избыточную энергию.

Одна встреча с Лукониным произошла для меня неожиданно: выехал в Москву по вызо-

выехать в Волгоград, чтобы написать очерк о тракторном заводе. Первенец пятилеток готовился отметить «круглую» дату. Возлагая на меня слишком большие надежды как на человека, хорошо знающего историю завода, его коллектив, Луконин решил отказаться от коллективного выезда на место, а вызвать в Москву меня. Руководители организации, где я в то время работал, пошли навстречу уважаемой газете и без промедления дали мне командировку в столицу.

Не сразу взялись мы за написание очерка. С неделю жил я на хорошо знакомой мне даче Луконина в Перелескино. Дни шли в непривычном бездействии (до сдачи очерка в редакцию времени оставалось еще дней десять). Днями я гулял по узким улочкам-проселкам среди вековых медноствольных сосен.

Когда сроки представления нашего очерка в редакцию «Литературной газеты» подошли к концу, мы сели за выполнение заказа. Очерк был опубликован на первой странице с переносом на вторую. Писался он легко — все знакомое, пережитое. Воспоминания о заводе и его людях, его нелегкой, но славной истории вызвали чувство гордости за принадлежность к истории этого первенца пятилетки, волновали душу.

«Когда думаешь о заводе, — писали мы в очерке, — то, ко-